

Ты, случайно, тайком не ешь фекалии?

— Шицзу, вы ведь сами говорили, что ученики нашей школы считают своим долгом истреблять зло и защищать народ, — начал объяснять Цзян Юань. — Их сердца должны быть отданы стране и всему миру, они должны оберегать покой простых людей и, если потребуется, действовать по велению сердца.

Все эти годы страна вела войны. Наши предки были великими воинами, они либо расширяли границы, либо готовились к этому, а страдал от этого простой народ. Всякий раз, когда наступали тяжёлые времена, ученики нашей школы вступали в бой.

Так и повелось: каждые несколько лет — большая война, в которой участвуют наши ученики, и часть из них погибает. Проходит ещё несколько лет — новая война, и снова гибнут люди...

Последней была война за защиту родины. Мой учитель был тогда ещё ребёнком, и старшие, чтобы сохранить для Сюаньмэнь хоть искру надежды, не позволили ему покинуть гору. Все остальные пали в бою.

Наш нынешний дом — это дар государства, нам тогда ещё и крупную премию выдали. Учитель рассказывал, что в те времена народ голодал, поэтому он раздал все деньги людям. Дом, когда его дали, был в отличном состоянии, но денег на его содержание не было, да и талантов у учителя не хватало, вот он и обветшал до такого состояния.

Кстати, гора, где раньше располагалась наша школа, до сих пор принадлежит нам. Во время войны наши деды-наставники, опасаясь, что после их смерти учитель не сможет уберечь наследие, разобрали всё, что можно было, и передали государству. Даже пожалованная нам императором табличка теперь хранится в музее.

И хорошо, что так сделали. Учитель говорил, что позже враги, зачищая территорию, разбомбили нашу гору до основания. Сейчас там всё травой поросло. Перед смертью он сказал мне, что это наследие предков, и его нельзя продавать, даже если придётся умереть с голоду.

Он указал на маленький деревянный ящичек в свёртке.

— А это — купчая.

Дуань Аньло долго молчал, а затем с ледяным выражением лица спросил:

— Почему ты не сказал раньше?

— В-вы не спрашивали, — испуганно пролепетал Цзян Юань.

Дуань Аньло не сдержался и пнул его под зад.

— Не спросил — значит, можно молчать? О таких вещах нужно говорить!

Цзян Юань пошатнулся и, застыв на пару секунд, рухнул на колени.

— Я был неправ.

Шицзу разгневался, значит, он точно виноват.

— Они поступили правильно, — медленно произнёс Дуань Аньло. — Когда родине грозит уничтожение, какие могут быть предсказания судьбы и усмирение зла? Демоны в человеческом облике куда страшнее, их нужно истреблять! Сюаньмэнь запомнит этот кровный долг, и если представится возможность...

Глаза Дуань Аньло полыхнули зловещим холодом. Он крепко сжал кулаки и долго стоял, пытаясь унять бурю в душе.

— Вставай. Пойди купи вина и мяса, нужно сменить все подношения. И стол тоже.

Раньше у них не было денег даже на благовония, и предки питались скудно. Теперь деньги есть, и всё будет по-другому.

Цзян Юань не осмелился подняться и, стоя на коленях, осторожно спросил:

— Тогда, шицзу, если я не наберу шестьдесят баллов, вы ведь не станете их выкапывать?

Уголок рта Дуань Аньло дёрнулся. Ему снова захотелось его пнуть.

Дурачок!

Цзян Юань непонимающе смотрел на него, не решаясь встать без ответа. Вдруг шицзу не согласится, и ему придётся снова умолять.

— Не выкопаю. Сразу тебя на стену повешу.

Цзян Юань радостно вскочил. Ну, тогда он спокоен.

Он-то может умереть, а вот предков тревожить нельзя.

Хотя... если его повесят на стену за несданный экзамен, может, шицзу его разлюбил?

Дуань Аньло зажёл три палочки благовоний и вставил их в курильницу.

— Собирайся, выходим.

— Куда, шицзу?

— Покупать мебель, чинить дом, улучшать питание и купить целую повозку благовоний толщиной с руку. — Сказав это, Дуань Аньло вдруг опомнился. — А почему ты сегодня не в школе?

Тот мальчишка, Му Цинчжо, тоже не пошёл. Совсем страх потеряли!

— У нас сегодня учебная поездка, — почесал затылок Цзян Юань.

Каждый семестр в школе устраивали такие мероприятия. Участие было добровольным, но платным: проезд, еда, билеты — выходило около ста-двухсот юаней. Цзян Юань, чтобы сэкономить, никогда не записывался.

— А деньги, что я тебе дал? — догадался Дуань Аньло. — Опять жалеешь тратить?

— Я хочу накопить и купить вам матрас, — смущённо опустил голову Цзян Юань. — Я видел один, очень мягкий, но он стоит больше четырёх тысяч.

— ...Глупый ребёнок, — вздохнул Дуань Аньло. — Тебе не нужно шестьдесят баллов. Если наберёшь тридцать, я не повешу тебя на стену.

Глаза Цзян Юаня загорелись. Тридцать баллов! В этом он был уверен. Последние два дня он постоянно решал задачи с Хань Чжэнем, так что тридцать баллов — не проблема!

Дед и внук, оседлав свой маленький электроскутер, отправились напрямиком на строительный рынок.

В памяти изначального владельца тела самым ярким воспоминанием была его смерть, а вот детали повседневной жизни стёрлись. Поэтому Дуань Аньло, видя что-то новое, тут же хотел это купить. Он увидел старика, продававшего у дороги выловленную в реке черепаху, и уже готов был приобрести её, чтобы поставить на алтарь и показать своим потомкам.

Смотрите, вот современная черепаха, у неё даже хвост с оборкой! Раньше таких не было.

Цзян Юань купил ему чашку ледяной стружки и вручил маленькую ложечку, чтобы отвлечь его внимание. Глава Цзян был уверен, что его предки не горели желанием любоваться на черепаху.

Он припарковал скутер в тени и наказал Дуань Аньло:

— Шицзу, на улице жарко, сидите здесь. Я куплю вешалку и сразу вернусь.

Дуань Аньло махнул пластиковой ложечкой. Иди-иди, он точно никуда не пойдёт, жару он не переносит.

Прохожие с удивлением наблюдали картину: неземной красоты юноша, похожий на сошедшего с небес бессмертного, с сосредоточенным видом поглощал дешёвый десерт с уличного лотка. Каждый, кто проходил мимо, невольно задерживал на нём взгляд.

Эта улица была средоточием магазинов строительных материалов. Лавочки тянулись одна за другой, предлагая товары по доступным ценам, куда стекались все местные жители. Крупные покупки даже доставляли на дом и устанавливали бесплатно.

Напротив же царила совершенно иная атмосфера. Десятиэтажное здание строительного комплекса «Ваньцзя» предлагало исключительно элитные материалы для дорогого ремонта. И улица, и комплекс принадлежали семье Вань.

В этот самый момент второй молодой господин семьи Вань, Вань Кайюань, приехавший с проверкой, вышел из своего торгового центра. Его взгляд скользнул по улице и тут же выцепил из толпы Дуань Аньло. С такой внешностью его было трудно не заметить.

— О, никак сам молодой господин Дуань? — на губах Вань Кайюаня заиграла язвительная усмешка. — Что, после того как тебя вышвырнули из семьи, совсем обнищал? Побираешься на помойках?

Дуань Аньло обернулся на голос. Он тщетно пытался отыскать этого человека в обрывках воспоминаний изначального владельца, но не смог.

Впрочем, это было неважно. Важнее было неприкрытое презрение и злоба в его глазах. Этого

было достаточно.

Настроение и так было паршивым, а тут ещё этот сопляк лезет на рожон.

Вань Кайюань, заметив его взгляд, нарочито подъехал к его скутеру. Роскошный спорткар рядом с дешёвым электромопедом создавал вопиющий контраст. Он хотел подобраться поближе, чтобы продолжить издевательства, но, взглянув в лицо Дуань Аньло, замер. Перед ним был совершенно другой человек.

Особенно эта неземная, отрешённая аура... Если бы не цвет глаз и родинка-слезинка в уголке, он бы решил, что ошибся.

Изумление сменилось гневом: с какой стати, покинув семью Дуань, этот выскочка стал ещё притягательнее?

Он должен был либо сгорать от стыда и бежать со всех ног, либо пресмыкаться и вымаливать кусок хлеба. А он смеет смотреть на него как на пустое место! Ни стыда, ни заискивания, ни единой эмоции!

Какого чёрта он из себя строит?

Вань Кайюану захотелось немедленно разбить ему лицо. Да прояви ты хоть какие-то эмоции, ублюдок!

Он знал всю подноготную: Дуань Аньло не только много лет занимал чужое место, но и жестоко издевался над настоящим наследником, Дуань Минсюанем. Он столкнул его с лестницы, сломав рёбра, из-за чего тот пропустил важные экзамены, и даже пытался утопить в ванне!

Дуань Минсюань, и без того натерпевшийся в жизни, был мягким и беззащитным. Едва вернувшись к родным, он попал под гнёт этого самозванца. Семья Дуань, выгнав его, поступила слишком мягко!

Дуань Аньло неторопливо зачерпнул ложечкой ещё немного льда и лишь потом медленно, с преувеличенным вниманием, оглядел лицо Вань Кайюаня.

Спустя мгновение уголки его губ дрогнули, и он произнёс фразу, от которой Вань Кайюань взорвался:

— Ты не родной сын своего отца.

Вань Кайюань опешил, и тут же ярость ударила ему в голову.

— Да ты смеешь меня оскорблять!

Он распахнул дверь и выскочил из машины.

— Это ты не родной сын своего отца! Хотя постой, ты ведь даже не знаешь, кто твой отец! Ты просто безродный ублюдок! Занял место Минсюаня, да ещё и издевался над ним! Считаю, тебе не повезло, что ты на меня нарвался. Сегодня я прочу тебя за Минсюаня!

Несмотря на ярость противника, Дуань Аньло оставался невозмутим и даже с некоторым любопытством спросил:

— Ты уверен, что хочешь меня ударить? Потому что если ты уверен... — он сделал паузу, — я лягу.

Эти слова подействовали как ушат холодной воды. Дуань Аньло и впрямь выглядел так, будто вот-вот развалится: худой, бледный, словно неизлечимо больной.

Семья Вань была влиятельной, но всеми делами заправлял его старший брат, а отец к младшему сыну всегда был равнодушен. Если он покалечит Дуань Аньло на глазах у всех, да ещё и, не дай бог, убьёт, опозорив семью, отец его точно не простит.

Но слова уже были сказаны, он выскочил из машины, и теперь, на глазах у толпы, трусливо ретироваться? Где его лицо?

— Ты! — собрав остатки самообладания, прорычал он. — Извинись передо мной! А потом на коленях проси прощения у Минсюаня, и я тебя отпущу!

Дуань Аньло, казалось, его не слышал. Он медленно вылавливал ложкой фрукты из ледяной стружки и продолжал подливать масла в огонь:

— Ты какой породы будешь? Что тебе ни скажут — всему веришь. Золотистый ретривер?

Он покачал головой.

— Нет, говорят, ретриверы во всех видят хороших людей. А ты... бросаешься на всех подряд. У тебя что, бешенство?

Он вдруг наклонился вперёд и с неподдельным любопытством спросил:

— Ты, случайно, тайком не ешь фекалии?

Лицо Вань Кайюаня побагровело, на лбу вздулись вены. Он больше не мог сдерживаться и, замахнувшись, бросился вперёд.

— Да я тебя сейчас!..

— Стой! — Дуань Аньло резко вскинул руку, останавливая его. Выражение его лица стало предельно серьёзным. — Прежде чем ты это сделаешь, я должен кое-что сказать.

Вань Кайюань замер. В душе он усмехнулся. Раньше Дуань Аньло, со своим собачьим нравом, уже давно бы набросился на него с кулаками. Они и прежде дрались, и тот всегда был жесток и беспощаден. Сегодняшнее его поведение было слишком странным. Вань Кайюань был уверен: этот парень, вышвырнутый из семьи, наверняка подхватил какую-то серьёзную болезнь и теперь просто блефует!

Дуань Аньло съел ещё ложку десерта и, подняв глаза, произнёс с искренностью учёного, излагающего научный факт:

— Я не шучу. Ты действительно не родной сын своего отца. Посмотри на него. Пусть не красавец, но в молодости был вполне миловидным. А теперь посмотри на себя.

Он смерил его сочувствующим взглядом.

— Лоб у тебя как у личинки цикады, а лицо... формой напоминает трусы. У тебя что, зеркала нет? Ну хоть в лужу посмотри! Хоть одна черта у тебя отцовская?

Вань Кайюань дрожал от ярости.

— Ого! — не унимался Дуань Аньло, покачивая головой и цокая языком. — Так твоя мать тоже не родная дочь твоего деда? И дядя твой неродной? Так ты сын своего дяди? Господи, да у вас там... похлеще, чем у нашего дворового пса Шарика.

Лицо Вань Кайюаня стало фиолетовым. Он едва мог дышать. Дуань Аньло, не боясь смерти, добавил:

— Ты, наверное, не знаешь, кто такой Шарик? Это знаменитый бездомный пёс с нашей улицы. Бросался на каждую сучку, пока ему не отрезали яйца. Хе-хе.

— Ты! Ты, ублюдок! — Вань Кайюань схватился за сердце.

— Ой, боюсь-боюсь, — Дуань Аньло отодвинулся, словно от чего-то грязного. — Не говори со мной, от тебя воняет.

Эта серия точных и ядовитых оскорблений окончательно лишила Вань Кайюаня рассудка. С налитыми кровью глазами он ринулся вперёд.

— Я тебя убью!!!

— Стой! Что ты делаешь?! — Цзян Юань, едва выйдя из магазина с вешалкой, увидел, что его шицзу угрожает опасность. Он, не раздумывая, бросился наперерез и, выставив перед собой деревянную вешалку, заслонил Дуань Аньло.

Но не успел он занять позицию, как лёгкий толчок сзади отбросил его в сторону.

— Шицзу! Вы в порядке? Он вас не тронул? — обеспокоенно обернулся мальчик.

— Отойди, — подмигнул ему Дуань Аньло. — Сейчас у нас будут деньги на кондиционер. И на диван хватит.

Цзян Юань непонимающе уставился на него.

Вань Кайюань, на мгновение сбившись с толку появлением Цзян Юаня, снова замахнулся на Дуань Аньло, который как раз вылез из-за скутера и с вызовом посмотрел на него.

Кулак полетел вперёд.

Тело Дуань Аньло качнулось, и он, словно сломанная марионетка, безвольно осел на зелёный газон.

— А-а-а! — от ужаса у Цзян Юаня душа ушла в пятки. Шицзу ударили!

Лежа на земле, Дуань Аньло, едва дыша, схватился за грудь. Его лицо мгновенно побелело.

— ШИЦЗУ!!! — истошный крик Цзян Юаня привлёк внимание прохожих.

От страха его душа отделилась от тела. Он пошатнулся и тоже рухнул на землю.

— Ещё одного ударил! — зеваки тут же сбежались. — Драка! Смотрите, богач на спорткаре людей избивает!

— Как жестоко! Вытащил из-за руля и избил! Я своими глазами видел, как этот красивый парень упал!

— Бесчеловечно! Посмотрите, во что он его превратил, тот еле дышит!

— Я их и пальцем не тронул! — пытался оправдаться Вань Кайюань.

— До смерти избил и говоришь, не трогал!

Дуань Аньло с трудом приподнялся.

— Полицию вызываем или на месте решим?

— Да пошёл ты! — Вань Кайюань, глядя на лежащего Дуань Аньло, не сдержался. — Ты симулируешь! С тобой всё в порядке!

Дуань Аньло молча смотрел на него. В его холодных глазах не было ни гнева, ни мольбы — лишь всепонимающее безразличие. Вань Кайюань осёкся.

Он присмотрелся. Бледное, почти прозрачное лицо, бескровные губы... Вряд ли это притворство. Если вызвать полицию, везти в больницу, и по дороге что-то случится, он не отмоется. Да даже если докажут, что он не виноват, отец его не простит. Дуань Аньло всё-таки двадцать лет прожил в их семье. Когда его выгоняли, госпожа Дуань тайком давала ему деньги. Если они узнают, что он его избил, что подумает семья Дуань? А ведь у их семей были общие дела.

Вань Кайюань стиснул зубы. Сегодня он попал. Но платить? Ни за что!

Он развернулся и бросился к машине. Нужно немедленно убираться отсюда. Он поедет прямо к семье Дуань и расскажет, каким ничтожеством стал Дуань Аньло, как он опустился до уличного мошенничества!

Он нажал на газ, но вместо рёва мотора раздался жалкий пук. Двигатель заглох. Вань Кайюань похолодел. Он снова повернул ключ — никакой реакции. Новая машина превратилась в грудку металла.

— Чёрт! Что за дьявольщина! — он с силой ударил по рулю.

Встреча с Дуань Аньло всегда приносила несчастья!

Цзян Юань, придя в себя, бросился к шицзу.

С его помощью Дуань Аньло поднялся и успокаивающе похлопал его по голове. Лёгкое тепло коснулось мальчика, и его смятённая душа тут же обрела покой. Нужно будет выяснить, почему душа его маленького ученика так нестабильна.

— Шицзу! Вы правда в порядке? Я так испугался! — лепетал Цзян Юань.

— Я в порядке, — Дуань Аньло отряхнул одежду. — А вот у него теперь проблемы. Он должен мне денег.

В тот момент, когда Вань Кайюань бросился на него, в голове Дуань Аньло всплыли новые

обрывки воспоминаний. Он вспомнил. Этот ублюдок не раз унижал изначального владельца тела после его изгнания. Чтобы выслужиться перед Дуань Минсюанем, он нанял подонков, которые избили его и отобрали последние деньги — те, что тайком дала ему приёмная мать.

Что до проступков против самого Минсюаня, то они действительно были, но лишь после того, как тот сам его провоцировал и доводил до срыва. Дуань Минсюань был тем ещё актёром, готовым калечить себя ради достижения цели.

Изначальный владелец не хотел возвращаться, чтобы не доставлять хлопот приёмным родителям и брату, которые его любили. Дуань Аньло уважал его решение. Если Дуань Минсюань не будет его трогать, они останутся чужими людьми. Если же посмеет... он его похоронит.

Но Вань Кайюань должен был вернуть долг.

— Двадцать тысяч, — голос Дуань Аньло отчётливо прозвучал сквозь стекло машины. — Для тебя это копейки. Ты за вечер в баре больше тратишь. Просто захотелось унижить меня, да? Сумма небольшая, но это твой долг.

Вань Кайюань замер. Он и забыл об этом. Так Дуань Аньло знал, что это он подослал тех парней? Из-за каких-то двадцати тысяч? Вот же нищеврод!

Толпа всё росла, люди тыкали пальцами, кто-то снимал на телефон. Двигатель молчал. Вань Кайюань чувствовал, как горит его лицо.

— Только наличными, — медленно добавил Дуань Аньло.

Вань Кайюань был готов взорваться, но другого выхода не было. Он открыл бардачок, схватил пачку денег, не считая, и, распахнув дверь, швырнул их Дуань Аньло в лицо.

— Забирай свои гроши и катись!

Купюры замерли в нескольких сантиметрах от его лица и рассыпались по земле.

— Что за человек! — зашумела толпа. — Деньги есть, а воспитания нет!

— Какое унижение! — кричал кто-то, снимая видео. — Богатые совсем совесть потеряли!

Вань Кайюань захлопнул дверь, отгораживаясь от осуждающих взглядов.

Дуань Аньло кивнул Цзян Юаню.

— А? — не понял тот.

— Подбери, глупыш. Деньги на дороге не валяются.

Цзян Юань бросился собирать купюры.

Дуань Аньло с улыбкой наклонился к окну машины и тихо, но так, чтобы Вань Кайюань услышал, произнёс:

— Ты скоро станешь бездомным. Я расскажу твоему отцу, что ты не его сын. Хи-хи.

Вань Кайюань застыл.

— Зачем ты ко мне пристал? — продолжал издеваться Дуань Аньло. — Я уже и забыл о тебе. Готовься к смерти, ублюдок.

Цзян Юань собрал все деньги.

— Шицзу, готово.

Дуань Аньло сунул пачку в карман и, больше не глядя на Вань Кайюаня, весело сказал:

— Пойдём, шицзу купит тебе всё, что захочешь, и накормит до отвала.

Жить — это счастье, умереть — судьба. Каждая секунда, прожитая без радости, — это предательство по отношению к себе.

Вернувшись домой после покупок и сытного обеда, Дуань Аньло с наслаждением растянулся на новом матрасе. Вот это жизнь! Скоро рабочие обновят дом, заменят проводку и трубы, постелят новый пол, вставят окна, установят кондиционер, а в большом холодильнике будет полно напитков и мороженого.

Перед сном Дуань Аньло призвал десять бездомных духов, одел каждого в новую одежду, вручил по три благовония и десять золотых слитков. Задание было простым: притвориться предками Вань Кайюаня и, как только его отец закроет глаза, явиться к нему во сне с вестью: «Вань Кайюань тебе не родной сын!» А если тот не примет меры, избивать его во сне до полусмерти.

Вань Кайюань не придавал значения словам Дуань Аньло. Он действительно был не похож на отца, и тот всегда относился к нему прохладно. Но разве у красивых людей всегда рождаются красивые дети? У знаменитостей тоже бывают некрасивые дети, а его отец и не знаменитость вовсе.

Сгорая от гнева и обиды, он оставил машину в ремонте и поехал жаловаться в семью Дуань. Он не позволит Дуань Аньло вернуться и встать на пути у Минсюаня!

В просторной гостиной семьи Дуань повисла тишина. Вань Кайюань, приукрасив детали, в красках расписал, как Дуань Аньло унижался, вымогая у него деньги. Он не оставил камня на камне от его репутации.

Дуань Дохай нахмурился.

Линь Ваньцю побледнела.

— Не может быть, — прошептала она с болью в голосе. — Он хоть и был избалован, но в душе он не злой. Он не мог так поступить.

Вань Кайюань застыл. Он тут распинается, а они ему не верят? Он что, на клоуна похож?